

И. Н. Тупицына

Интерактивное, личностное и когнитивное в семантике дискурса

В данной работе мы исходим из допущения, что семантика высказываний, т.е. область их соотношения с миром, обусловлена интерактивной сущностью дискурса.

Интерактивный характер дискурса выявляется в феномене понимания. Стало очевидным существование различных видов понимания языкового сообщения. Ясно, что сегодня можно говорить лишь о некоторых предпосылках будущей типологии понимания. Исходный вопрос такой типологии сводится к следующему: какие факторы и в какой мере задействованы в процессе понимания? Отмечается, что в данном процессе используются два основных класса когнитивных средств: языковые и прагматические. Первый класс – это знания, закрепленные в семантике языка, а второй – это цели, направляющие использование внеязыковых знаний в сочетании с языковыми. Многофакторность понимания и его активность составляют фундаментальные свойства рассматриваемого процесса.

Прагматические факторы понимания охватывают место и роль текста в составе интеллектуальной и практической деятельности, включающей данную речевую ситуацию. Та или иная экстралингвистическая задача побуждает человека руководствоваться при понимании текста определенной целеустановкой. При этом к основным видам целеустановок относят: определить тему текста, ознакомиться с новыми фактами, установить связь фактов, понять мнение автора текста о сообщаемом, выработать решение о практических действиях, получить эстетическое наслаждение, определить смысловую близость данного сообщения и некоторого другого текста, найти нужный класс сведений, вывести некоторое множество умозаключений. При этом возможна разная степень приближенности-точности понимания. Разной бывает и оценка слушающим того внеречевого акта, который стремится осуществить посредством данного текста говорящий. Понимание текста оказывается связанным с такими сторонами человеческого интеллекта, как память, целеполагание, планирование деятельности, эвристики и т.д. [См. Городецкий Б. Ю. 1983, 12 и след.]. Для нашей темы существенным является то, что в данном объеме факторов понимания немаловажное место занимают элементы личностного концепта коммуникации - нормы, правила, постулаты речевого общения, представления о которых выступают в качестве существенного фактора понимания дискурса.

В этом отношении интересно соотношение значения и смысла в дискурсе. Например, значение высказывания:

Тупицына Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент. Возглавляет факультет иностранных языков Московского государственного социального университета.

Общий научно-педагогический стаж - более 10 лет. Автор около 50 научных и учебно-методических трудов.

Член Научно-методического совета по иностранным языкам Министерства образования и науки Российской Федерации, Национальной ассоциации преподавателей английского языка, Правления Союза переводчиков России.

Общий научно-педагогический стаж - более 10 лет. В настоящее время работает над докторской диссертацией, посвященной исследованию речевой коммуникации в личностном аспекте.

- Погодите... Я ведь не со зла и не ради красного словца [Давыдов Д., 192] состоит в вербальном обозначении намерений говорящего; но смысл его – в противостоянии возможной неадекватной (по мнению говорящего) интерпретации поведения говорящего в плане этической характеристики его мотивов со стороны слушающего, осуществляемом на основе допущения о содержании концепта коммуникации у адресата.

Другой пример: значение высказывания

- Roberta, I have a right to talk to you [Wilder T., 144] состоит в утверждении, что у говорящего есть право обратиться к собеседнику, в то время как его смысл включает также и представление о том, что в данных условиях общения это право, в соответствии с содержанием концепта коммуникации, не предоставлено говорящему автоматически, и что необходимо обосновать свою претензию на это право.

Для понимания интерактивного существа дискурса весьма значимым представляется понятие психологической установки. Д. Узнадзе, которому принадлежит приоритет в разработке данной проблематики в отечественной науке, писал о том, что человек, вследствие импульса какой-нибудь потребности и в аспекте этой потребности вынужден установить определенное отношение с внешней действительностью. После этого, согласно теории установки, у него, как у целого — субъекта этого взаимоотношения, — возникает установка определенной активности и последующая его активность, в частности и психологическая, направляется этой установкой. То, как отражается внешняя действительность, к которой он обращается, обусловлено его установкой. Это один из слоев психической жизни, простейший слой, который является специфическим для мира живого: ориентация в действительности протекает под непосредственным руководством установки [См. Д.Узнадзе, 1997, 431].. На фоне сказанного вполне достоверным может быть допущение, что высказывание:

- You think I'm kidding, don't you? [Grisham J., 113].

является результатом речепсихической активности участника диалога, обусловленной установкой на контроль и при необходимости, коррекцию понимания высказывания партнером по диалогу.

Пояснение сказанного демонстрирует явление психологической установки, например:

- That's not what I mean. I wasn't talking philosophy. I was thinking of actual bare prosaic facts [Christie A., 6].

Целью этого процесса повторного осознания, в первую очередь, является найти место объективированного содержания в объективной действительности, выяснить, где, в круг каких категорий нужно поместить его.

Д. Узнадзе показал, что начало действия внимания субъекта, или объективацию, вызывает та или иная задержка. Это означает, что человек в процессе всякой своей активности вынужден противостоять непосредственному руководству импульса актуальной установки и, вместо продолжения активности, обратиться к актам объективации. Поскольку активность человека представляет собой явление социальной природы, поскольку она подразумевает необходимость и возможность сотрудничества людей, естественно, что у субъекта в случае задержки своей активности и объективации соответствующих содержаний может возникнуть потребность — заставить и другого объективировать то, объективацию чего производит сам, привлечь на то же самое внимание и другого и тем самым сделать сотрудничество более возможным и плодотворным. В таких условиях слово может выполнить особенно большую роль, поскольку лишь слову под силу стимулировать объективацию, лишь оно может заставить другого также совершить объективацию того, что объективирует сам субъект.

Необходимость в коммуникации вынуждает человека найти звуковое выражение объективированного и затем осознанного им содержания, выражение, которое смогло бы и в другом вызвать объективацию такого же содержания. Каким должно быть это звуковое выражение, следовательно, зависит от того, как отражено субъектом, в каком виде осознано им то содержание, объективацию которого он должен обеспечить посредством слова.

Предложенная Д. Узнадзе модель употребления слова в свете понятия психологической установки демонстрирует наличие в семантике дискурса интерактивной составляющей и определяет общие психолингвистические контуры места, занимаемого в ней личностным концептом коммуникации.

Нам близко стремление ряда исследователей понять семантику дискурсивных обозначений как испытывающую влияние интерактивных возмущений и, может быть, даже детерминированную этим влиянием. К принятию такого рода допущения нас подталкивают и слова великого лингвиста и философа о том, что «слово – не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь – главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета» [Гумбольдт В., 1984, 103]. Отношение к семантике слова как к осмыслению его употребления, простирающееся в приведенном высказывании основателя общего языкознания, импонирует многим исследователям и подталкивает их к поиску прагматического значения.. Во многих случаях, - отмечает Ю. С. Степанов, - семантические свойства языковых единиц, помещенных в достаточно длинный и динамически развертывающийся контекст (дискурс), оказываются существенно иными, нежели семантические свойства тех же единиц, рассматриваемых в

изолированном виде или в коротком контексте. Прежде всего речь идет, конечно, об основной единице – высказывании-предложении [Степанов Ю. С., 1981, 330]. И если понимать под прагматикой изучение языковых средств, которые могут быть интерпретированы только при условии их употребления [См. точку зрения Е. Бейтса, приводимую в работе: Колшанский Г. В., 1984, 129], оказывается необходимым описывать не только значения языковых средств, взятых изолированно от условий их употребления, а и правило отношения языковых средств к контексту, в котором обнаруживается их значение.

Фундамент прагматически ориентированного изучения семантики высказываний был заложен сравнительно недавно работами Дж. Л. Остина [См. Остин Дж. Л., 1986], Г. П. Грайса [См. Грайс Г. П., 1989], П. Ф. Стросона [См. Стросон П. Ф., 1986] и главным образом Дж. Р. Серля [См. Серль Дж. Р., 1986]. Их целью стало исследование того, как используется обыкновенный язык, именно используется, следует настаивать на выделении именно этого термина. Развиваемый ими подход основывается, вероятно, на пророческом афоризме Л. Витгенштейна о том, что значение высказывания есть его употребление. Эти исследователи показали, что возможны по меньшей мере два способа постижения значения в языке. Один – исходя из собственно высказывания, не принимая во внимание ни контекст, в котором оно производится, ни цель говорящего, обращающегося с высказыванием к другому человеку. В рамках же второго подхода высказывание принимается не в отвлеченном от обстоятельств речи виде, а оценивается по эффективности выполнения намерения говорящего; говоря словами Г. П. Грайса, это высказывание в связи с причиной его употребления, выявляющее значение говорящего.

Эта эффективность не имеет отношения к истинности высказываемого, а зависит от способности говорящего соотносить свое высказывание с конвенциями и правилами субкультуры, от понимания уместности данного высказывания в конкретной ситуации. Как мы полагаем, эти конвенции и правила представлены в концепте коммуникации. По мнению Дж. Р. Серля, критерием оценки таких высказываний, который был бы соотнесен с фактором его эффективности, является удачность, счастливый исход (*felicity*). Так, например, просьба *Would you be so kind as to pass the salt?* – “Не будете ли вы столь добры передать соль?” не реализует попытку получить информацию о степени сочувствия слушающего, а построено в соответствии с общепринятым обычаем предоставлять человеку, готовому оказать услугу, возможность понять это высказывание как просьбу, а не приказ. Значение высказывания, таким образом, понимается как прагматическое, или, если можно так выразиться, прагмосемантическое.

К прагматическому значению относится значение перформативное, связанное с намерением говорящего использовать предложения то в качестве вопроса, то в качестве приказа и т.д.; к нему следует отнести пресуппозицию, т.е. совокупность предположений в контексте, которая необходима, чтобы предложение было по смыслу истинным; в него также включаются конверсационные постулаты, т.е. особый класс пресуппозиций о природе диалога вообще и об особенностях переживаемого диалога в частности и др. [См. Givon T.; Richards J., Schmidt R.; Rosch E.]. Если «действительность знака всецело определяется социальным общением», если «слово является «продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим» [Бахтин М. М.], то значение высказывания имеет такое измерение, в которое входит представленность значения говорящим при включении в него идеи значения у собеседника, значение, само переживание которого собеседником знаменует для говорящего достижение определенной цели в его взаимодействиях с собеседником.

Для интерактивно ориентированного изучения семантики дискурса большой интерес представляет общая картина дискретности текстовой семантики в том виде, в котором она описана Е. Г. Князевой. Она полагает, что каждый текст производит во внутреннем мире субъекта, воспринимающего речь, своеобразную «квазипредметную ситуацию», выстраивает некоторый возможный мир, состоящий из определенного набора представлений о предметах, лицах, их свойствах и отношениях. В определенной мере этот возможный мир выстраивается за счет как бы готовой семантики языковых единиц и грамматических отношений, но его построение не сводится к ним, поскольку они являются только материалом для построения этого возможного мира в психике воспринимающего текст субъекта с помощью знаковых раздражителей текста. Общим же структурообразующим мотивом построения такого мира является реализация знаковыми средствами потребности говорящего предъявить слушающему такую картину, которая бы отвечала интересам говорящего, чтобы произошла знаковая координация деятельности участников общения [См. Князева Е. Г., 1999, 87-88]. Осуществление данной знаковой координации основывается на механизме коммуникативной семантики, получившем ясное описание в известной работе Т. Винограда. «Решив использовать фразу с определенной референцией, - пишет Т. Виноград, - говорящий тем самым сообщает слушающему следующую информацию: «В моем ментальном мире имеется уникальная сущность, о которой я намереваюсь кое-что сказать. Данная описательная фраза достаточна для того, чтобы вы могли найти или создать некоторую уникальную сущность в вашей модели мира, используя весь контекст и общее знание (относительно мира, правил речевого общения и моего собственного состояния) о наличии которого у вас я делаю предположительный вывод на основе моей модели о вас в настоящий момент» [См. Виноград Т., 1983, 151]. Факторы, на которые указывает Т. Виноград, включаются нами в понятие личностного концепта коммуникации.

В силу указанных обстоятельств значение высказывания обуславливается, если не сказать сильнее – решительным образом определяется со стороны искомого психолингвистического эффекта воздействия на партнера по общению в рамках организации их взаимных отношений. Подобно тому, как у когнитивной обработки дискурса имеется ситуационное основание, определяющее различия в интерпретации значения и функций сообщения, например, рассказа о происшествии в зависимости от того, рассказывается ли история друзьям, в неформальной обстановке, или же она сообщается свидетелем в суде [см. Дейк Т. А. ван. Кинч В. 1988, 160], в когнитивной интерпретации значения высказывания следует учитывать регулятивное, или интерактивное, измерение. Это измерение, как мы полагаем, состоит в том, что дискурсивный объект обозначается и характеризуется вербально таким образом, что ему присваивается некоторое свойство или качество, или даже совокупность свойств и качеств, осознавая которые партнер (исходящий из свойственного ему концепта коммуникации) побуждается к определенному когнитивно-эмотивному состоянию, в чем заинтересован говорящий, пытающийся таким образом регулировать поведение партнера и тем самым регулировать развитие коммуникации как успешной интеракции.

Размышляя о том, как речевые акты осуществляются носителями языка как носителями определенных концептуальных систем, в своей небольшой, но глубокой и широко известной работе Р. И. Павиленис отмечал, что распознавание, идентификация референциальных намерений входит в задачу интерпретации в концептуальной системе партнера коммуникации, интерпретации, охватывающей самого субъекта референции, используемое им языковое выражение, а также контекст его употребления [см. Павиленис Р. И. 1986, 385]. Исследователями отмечается, что при этом своими высказываниями говорящий демонстрирует слушающему, что он связывает с ним определенные ожидания: а) он ожидает, что слушающий поймет его коммуникативную цель (эти ожидания называют «ожиданием понимания»); б) говорящий ожидает, что слушающий, поняв коммуникативную цель говорящего, осуществляет то, что предписывалось целью высказывания, или сделает что-то, что можно считать оправданием или объяснением неосуществления цели говорящего (эти ожидания называют «ожиданием реакции»). Планируя и произнося свое высказывание, говорящий антиципирует возможности и способности понимания слушающего в данной ситуации и соответственно оформляет свое высказывание [См. Общение. Текст Высказывание., 1989, 85]. Иными словами, говорящий антиципирует активизацию концепта коммуникации слушающим.

Общее заключение, которое можно сделать относительно особенностей семантики дискурсивной номинации состоит в том, что значения словесных форм, используемых в высказывании, основываясь на словарных значениях, обретают конкретную семантическую определенность под влиянием образа желаемого типа интерпретации данных форм партнером по общению под воздействием концепта коммуникации.

Применительно к выяснению интерактивного аспекта семантики высказывания данное заключение указывает на то, что конкретное, ситуативно определенное значение данных речевых форм определяется образом эффекта, который произведет на партнера данная семантика. Выражаясь иначе, референты называются так, чтобы это побудило личность адресата к идее, переживанию или действию, нужным личности говорящего. Когда партнера по диалогу называют «моделью», не существенно, является ли она моделью на самом деле; важно то, что та, которую называют моделью, скорее всего (как полагает говорящий) воспримет это имя так, как это хочется говорящему, и «модель» отнесется к говорящему соответствующим образом. В свою очередь, этот психолингвистический эффект формирования личностного отношения слушающего к говорящему должен означать успех речевой межличностной интеракции; представление об этом эффекте по необходимости входит в состав прагматически очерчиваемого значения высказывания.

Значение словесных форм и целых высказываний в дискурсе, таким образом, есть, в первую очередь, своеобразное «значение демонстрации», поскольку оно определено необходимостью его представления личности адресата, а во вторую очередь, «значение отражения», причем ровно настолько, насколько «отражение» обслуживает в субъективной семантике мира адресата значение демонстрации. Личность говорящего обладает концептом коммуникации – особой когнитивной областью, в которой она может почерпнуть эти значения.

Концептуальная сторона механизма речевой коммуникации состоит в том, что отправитель сообщения, располагая концептами, замещает их в дискурсе, стремясь активизировать личностные концепты адресата. Активизация личностных концептов адресата происходит под воздействием текста в процессе вторичной коммуникативной деятельности. Существенную роль в данном процессе играет феномен пересечения концептуальных пространств [См. Красных В. В. 2001]. Стремясь активизировать концепты адресата с тем, чтобы побудить его к концептуально мотивируемым речепсихическим (а далее, возможно, и моторным) действиям, отправитель текста вынужден соотносить свою речевую деятельность – построение текста – с концептами, предполагаемыми у адресата.

В связи с активацией концептов возникает вопрос о соотношении концепта коммуникации и других концептов в психическом пространстве коммуниканта. В предварительном порядке можно полагать, что в концептуальном пространстве коммуникации имеет место централизация концептуальной базы вок-

руг концепта коммуникации, поскольку он представляет ведущий тип деятельности. Подобным образом централизация может иметь место и в других типах интеракции (например, в игре активизируются многие концепты, но они централизуются вокруг концепта игры).

Примером представления, связанного с концептом коммуникации, может быть поговорка «Только интонация убеждает». Говорящей знает, что только интонация убеждает, но, выбирая средства убеждения, ему предстоит решить, знает ли об этом адресат сообщения. Или другая поговорка, восходящая к концепту коммуникации и указывающая на механизм косвенной адресации речевых актов: «Кошку ругают – невестке урок».

Если обратиться к системообразующему отношению, которое воспроизводится в коммуникативных актах и связывает воедино процесс социовербальной коммуникации, то мы получим возможность убедиться, что в когнитивном плане такого рода отношение состоит в знаковой координации концептов коммуникации, активируемых в деятельности коммуникативных личностей – участниц общения. Эта координация выглядит как алгоритм, повторяющаяся, регулярно воспроизводящаяся структура связей между когнитивными пространствами личностей, взаимодействующих в речевой коммуникации.

Личность, воспринимающая текст, по необходимости самого процесса восприятия совершает коммуникативные действия, подсказанные ей текстом – тем самым ее деятельность управляется текстом, через который концепт коммуникации его деятельности соотносится (координируется) с концептом координации в составе деятельности личности, произведшей текст. Но личность, производящая текст, по необходимости переживаемой ею задачи в управлении деятельностью личности адресата, так или иначе соотносит (координирует) свою «текстовую» деятельность, включая активируемый концепт коммуникации, с деятельностью воспринимающей личности, с идеей об этой деятельности, с идеей присущего ей концепта коммуникации. Таким образом строится координация когнитивных миров, концептов коммуникации деятельностью коммуникативных личностей в речевом общении. Это построение предписывается самой необходимостью коммуникации и оно гомоморфически воспроизводится в любом коммуникативном акте. Следует полагать, что по существу своего содержания концепт коммуникации, активируемый в речевой деятельности коммуниканта, представляет собой личностный концепт коммуникативной интеракции.

Вводимые в научный оборот взаимосвязанные понятия коммуникативной личности, концепта коммуникации, знаковой координации концептов коммуникации и концепта коммуникативной интеракции позволяют содержательно применять идеи лингвистической когнитивистики для осмысления динамики коммуникативных процессов.

Концептуальные базы (концепты коммуникации) выполняют в построении речевой коммуникации две основные функции:

а) когнитивное обеспечение номинации и идентификации значения – обычно замечаемое и описываемое функционирование концепта;

б) организационное обеспечение знаковой координации личностных действий коммуникантов – обычно мало замечаемое – интеракция в целом, со всей совокупностью номинаций и идентификаций значений строится на основе концепта.

Заметим по поводу природы координации, что нам представляются недостаточно обоснованными утверждения о том, что глубинным мотивом речевого воздействия на партнера по речевому общению является мотив организации сотрудничества, кооперации, что можно заключить из известных положений Г. П. Грайса и его последователей. Поскольку такая оценка может показаться неожиданной, поясним нашу позицию. У нас нет сомнений в том, что речевые акты, мотивом которых выступает организация кооперации, могут иметь и имеют место. Особенно характерны речевые акты такого рода в социальных условиях и ситуациях совпадения или близости, граничащей с совпадением, жизненных целей, ориентиров жизнедеятельности участников речевого взаимодействия, которое в силу этого становится уже речевым содействием. Но не менее часто, а может быть и гораздо чаще, мы имеем дело с речевыми актами, в которых мотив достижения сотрудничества, осуществления кооперации служит лишь удобным средством, ловкой процедурой управления деятельностью партнера по общению в интересах собственной жизнедеятельности, хотя бы для того, «чтобы оратор показался человеком известного склада», или для того, чтобы слушатели поняли, «что он к ним относится известным образом», или «чтобы и они были к нему расположены известным образом» [Аристотель, 1998, 843]. Как мы имеем возможность убедиться, выдающийся мыслитель античности Аристотель вполне определенно высказывался насчет относительной значимости для говорящего мотивов кооперации и мотивов, исходящих из потребностей собственной жизнедеятельности.

В передаче содержания, выражающего внутренний мир личности, принимают участие различные языковые единицы, в том числе и слово, то есть такой «минимум звуков, линейная единица языка, которая может быть произносима отдельно от других единиц языка без потери своей референции» [Комлев Н. Г., 1992: 32] и включает субстанциональную форму и значение. Изучая сложную природу значения, помещая его то в сферу мышления, то в сферу реалий, то относя к сфере языка [Ф. М. Березин, А. В. Бон-

дарко, Ю. П. Солодуб, Ю. С. Степанов, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев], современная лингвистика пришла к выводу о значении как одновременно языковом и мыслительном явлении, тесно связанном с обозначаемой действительностью, что позволило включить в структуру знака две формы существования значения - денотата, выражающего предметную отнесенность слова, и сигнификата, очерчивающего его понятийную сущность. Именно такой набор компонентов манифестирует слово в речи, соединяя интеллектуальную энергию индивида с внешним по отношению к интеллекту миром - через объединение общего значения слова-знака с индивидуализированным представлением объекта, ставшим частью слова.

Признавая слово в качестве ведущей структурно-семантической единицы языка, в которой, по словам Г. Лейбница, «наиболее представительно отражен весь универсум языка» [Лейбниц, 1983: 73], мы выделяем в этом универсуме личностный концепт коммуникации и тем самым хотим обратить внимание на роль данного феномена в словоупотреблении.

Формирование антропологической лингвистики создает необходимые предпосылки, чтобы от «отражательной семантики», процедурно не связанной с условиями референции, перейти к семантике, связывающей, в рамках знаковой координации деятельности коммуникативных личностей, концептуальное знание о типовых свойствах обозначаемого в виде его гештальт - структуры. Данная структура «упакована» в форму тех или иных фреймов и процедур соотношения этих концептуальных и категориальных признаков с референтом, оперирующим этими признаками на основе знания «по знакомству» или знания «по опыту» [Телия В. Н. 1996: 34].

В настоящее время назрела необходимость семантических исследований, показывающих на конкретном национально-языковом материале, не только то, как когнитивные структуры отражаются в лексической семантике и как создается специфическое видение мира, присущее языковой культурной общности, но также и то, как когнитивные структуры используются в коммуникативной межличностной интеракции в связи с личностным видением мира, включающем концепты коммуникации.

В принятом понимании личностного смысла как индивидуального отражения отношения личности к объектам деятельности заложена возможность коммуникативной интерпретации явления обозначения предмета деятельности. Поскольку личностный смысл включает в себя отношение личности к объекту деятельности, возникает необходимость выяснения ряда вопросов, а именно вопроса о природе предмета коммуникативной деятельности и коммуникации в целом, вопроса о соотношении предмета коммуникации и текста, вопроса о статусе номинации предмета в семантике текста.

Есть ли основания для того, чтобы по аналогии с познавательной и практически-преобразовательной деятельностью рассматривать в качестве предмета коммуникативной деятельности некоторый предмет «физического» мира, или совокупность таких предметов, референтную ситуацию? Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо обратиться к мотивационной стороне деятельности.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой глубинной потребностью, удовлетворение которой служит мотивом коммуникативной деятельности личности отправителя сообщения, является необходимость семиотического управления деятельностью личности адресата, поскольку только через такого рода семиотическое управление возможно реальное согласование, действительная координация деятельности личностей.

Что касается мотива коммуникативной деятельности личности адресата, то в своей типовой форме он заключается, как мы полагаем, в удовлетворении потребности познания через коммуникативный канал, познания, необходимого личности для осуществления своей жизнедеятельности в обществе. При очевидных внешних различиях в характере коммуникативных мотивов, присущих личности отправителя сообщения (произвести высказывание, способное осуществить определенное воздействие на личность адресата) и личности адресата (понять содержание высказывания и мотивы поведения говорящего), они не реализуются безотносительно друг к другу, а находятся в необходимой и устойчивой функциональной взаимосвязи. В самом деле, мотив коммуникативной деятельности личности отправителя сообщения предполагает мотив деятельности личности адресата, поскольку семиотическое управление включает коммуникативно-познавательную мотивацию деятельности личности адресата. Мотив же коммуникативной деятельности личности адресата сообщения включает постижение мотива личности отправителя. Но с индивидуального, эгоцентрического уровня рассмотрения мотивов личностей коммуникантов следует перейти на уровень интерактивный, и тогда можно говорить о некотором надындивидуальном мотиве речевой коммуникации как целостной межличностной интеракции, мотиве, входящем в область ее надындивидуальной субъективности.

Содержание этого интегративно-межличностного мотива заключается в удовлетворении в форме индивидуальной деятельности коллективной потребности в согласовании деятельности личностей коммуникантов. По-видимому, этот надындивидуальный мотив, хотя и входит в сферу мотивации индивидуальной коммуникативной деятельности, остается, как правило, неосознаваемым или слабо осознаваемым самим коммуникантом. Однако он выступает в роли движущей силы речевой коммуникации. «Закономерный ход событий, в котором участвуют люди, — отмечал выдающийся отечественный психолог С. Л. Ру-

бинштейн, — осуществляется не помимо, а через посредство воли людей, не помимо, а через посредство их сознательных действий» [Рубинштейн С. Л. 1957:284]. Применительно к мотивационной стороне речевой коммуникации мы трактуем данное положение в том смысле, что закономерный ход событий речевой коммуникации, заключающийся в согласовании деятельности личностей средствами языка, что представляет собой реализацию социально существенного межличностного мотива речевой коммуникации, осуществляется не иначе, как через реализацию индивидуальных мотивов коммуникантов.

У коллективного мотива речевой коммуникации нет никакого иного канала осуществления, как через деятельность личностей коммуникантов, через осуществление их индивидуальных и осознаваемых ими как индивидуальные, субъективно-личностные мотивы. Мы полагаем, что через субъективные, индивидуальные мотивы коммуникативной деятельности («сообщить», «узнать» и т. п.) осуществляется интегративно-межличностный, коллективный мотив («согласовать действия личностей, деятельности личностей»).

Предположение о существовании в мотивационной сфере речевой коммуникации интеграционно-межличностного мотива в новом ракурсе освещает предметную сторону коммуникативной деятельности и текста. В самом деле, если речевая коммуникация направлена на согласование деятельности личностей коммуникантов, что возможно только через знаковое управление деятельностью личности адресата, то предметом речевой коммуникации следует считать не референтную ситуацию (как это имеет место в «чистой», некоммуникативной познавательной или в практически-преобразовательной деятельности, направленных на мир «физических» предметов), а взаимосвязь деятельности коммуникантов, интеракцию. Что касается роли референтной ситуации в предметной области речевой коммуникации, то она должна быть оценена через призму деятельности личностей с ней.

Коммуникативно-познавательная деятельность человека оперирует личностно отмеченными представлениями о предметах, о референтах, так как в соотносительности деятельности человека с миром предметов заключается гарантия успешности его жизнедеятельности. Поэтому, и на наш взгляд, в реальной речевой коммуникации прежде всего поэтому существует необходимость обозначения предметных референтов с помощью языковых знаков. Таким образом, референциальный аспект предмета речевой коммуникации мы рассматриваем в качестве интегрируемой части деятельности ее предмета.

Литература

1. Аристотель. Риторика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – с.739-1112.
2. Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // НЗЛ. – Вып. 12. – М.: Радуга, 1983. – С. 123 – 170.
3. Городецкий Б. Ю. Актуальные проблемы прикладной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск 12. – Прикладная лингвистика / Составление В.А.Звегинцева. Пер. с англ. Под ред. и с предисловием Б. Ю. Городецкого. – М.: Радуга, 1983. – С.5-22.
4. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып.16. – М.: Прогресс, 1985. – С.217-237.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984.- 452 с.
6. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск XXIII. – Когнитивные аспекты языка / Сост., ред. и вступ.статья В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С.153-211.
7. Князева Е. Г. Структурный мир речевого общения (опыт лингвофилософского анализа). М., 1999. – 188 с.
8. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
9. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
10. Комлев Н. Г. Слово в речи: денотативный аспект. - М., 1992. - 216 с.
11. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
12. Лейбниц Г. Сочинения в 4 т. - М., 1983. - Т.2. – 686 с.
13. Общение. Текст Высказывание. - М.,1989.
14. Остин Дж. Л. Слово как действие // Пер. с англ. / Теория речевых актов / Новое в зарубежной лингвистике / Сост. и вступ.ст. И. М.Кобозевой и В. З. Демьянкова / Общ.ред. Б. Ю. Городецкого. – Вып. ХУП. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.
15. Павленис Р.И. Понимание речи и философия языка (вместо послесловия) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.ХУП. – Теория речевых актов / Сост. и вступ.статья И. М.Кобозевой и В. З. Демьянкова / Общ.ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – С.380-388.
16. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.
17. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. - Выпуск 17. – Теория речевых актов / Составление и вступит.статья И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова /Общая ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986 - С.170-194.

18. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). – М.: Наука, 1981. – 360 с.
19. Стросон П. Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 13. – М.: Прогресс, 1986. – С.55-86.
20. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. – 288 с.
21. Узнадзе Д. Н. Внутренняя форма языка // Узнадзе Д. Н. Теория установки. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997.- С.418-447.
22. Givon T. *Conversation: Cognitive, communicative and social perspectives.* - Amsterdam, 1997. – 302 p.
23. Richards J. C., Schmidt R. W. *Conversational Analysis // Language and Communication.* – L., N.-Y., Longman, 1993. – P.117-154.
24. Rosch E. H. *Principles of categorization // E.Margolis, S.Laurence (eds.) Concepts.* – Cambridge, 1999.